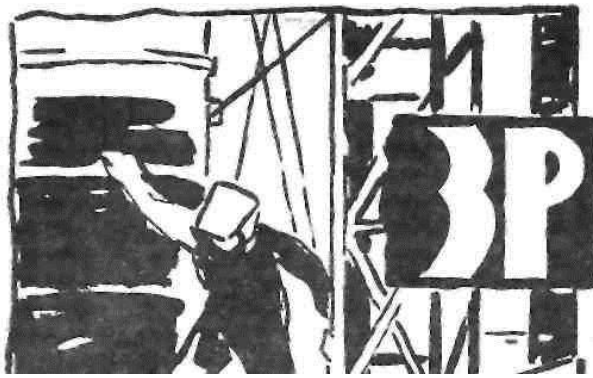

Илья Чумак

ЗРЕЛОСТЬ

ОЧЕРК

С Федором Касьяновым — электросварщиком-верхолазом Невинномысского химстроя — я познакомился на сцене Ставропольского клуба творческих встреч. Уж очень понравилось мне его выступление. Писателям, артистам, композиторам и художникам, переполнившим в тот вечер зал этого клуба, он не сробел сказать правду прямо в глаза. «Что ж вы сидите сиднями в городе? Почему вас никого не видно, ну хотя бы, к примеру, на нашей стройке? Ведь на нашей стройке совершаются поистине замечательные дела! Слава творческого созидания у нас бушует словно море во время шторма! Тысячи самых прекрасных тем как для писателей и поэтов, так и для композиторов, художников, актеров!»

На сцене клуба я с Федором Касьяновым лишь познакомился, а когда встретился с ним на самой стройке, это мимолетное знакомство, как оказалось, успело перерасти в дружбу. Я обрадовался ему так, будто уже устал от долгой разлуки. Ведь любо было смотреть на этого парня. Строен, силен и красив и, как по внешнему облику, так и по своей рассудительности, знаниям, культуре, мало чем отличается от инженера. Просто не верится, что он рядовой электросварщик, тем более, когда взглянешь на его тумбочку в общежитии. Тут одни книги. Гора книг. Пушкин, Толстой, Фурманов, Шолохов, а под ними — то справочники, то памятки, то учебники.

С Федором Андреевичем надо разговаривать только как равный с равным, иначе сам попадешь впросак. Чему еще не успела научить его жизнь, он забрал в свои руки из учебников и художественных произведений. И не с поверхности, а из самых недр. Он работал и учился. Друзья по общежитию, когда были свободны, шли на стадион или в кинотеатр, а Касьянов за стол — готовить уроки. В вечерней школе рабочей молодежи их спрашивали с неменьшей строгостью, чем в общих средних школах,

Аттестат зрелости был получен одновременно с третьим разрядом, то есть и со зрелостью в своей специальности. Это было не совпадение, а итог. Волевые люди наперед знают, когда им нужно подвести черту под цифрами уже прожитых лет. Особенно своих, молодых, так и норовящих пролететь без знаменателя.

Было интересно листать чисто ученические тетради Касьянова — сколько в них прилежания, сколько бессонных ночей и не состоявшихся свиданий со своей любимой подружкой,— но не хотелось терять и возможности своими глазами увидеть его за тем делом, которому он решил посвятить свою жизнь. А он уже переодевался, чтобы уйти на стройку. Чтобы не опоздать па смену.

Но страшным делом оказалось добраться до места его работы. Поставленным вертикально, зыбким железным лестницам не было конца. Люди внизу уже стали, как булавочные головки, а заветная площадка по-прежнему была еще высоко-высоко.

Да и на самой этой площадке страх не прошел. Высота обнаружилась такая, что закружилась голова. Хоть не смотри вниз, никуда не смотри — только себе под ноги.

Но не оглянуться вокруг, не окинуть

взглядом здешнюю землю с этой орлиной высоты было просто невозможно. Давно ли я видел тут степной пустырь! А теперь? Дух перехватило от того, что я теперь увидел с новой грануляционной башни Невинномысского азотнотукового завода. Город—от горизонта до горизонта. И какой город! Не город, а белый лебедь. Десятки четырехэтажных, пятиэтажных, будто только что облитых свежим молоком, могучих зданий в строжайше геометрической форме, в том же чертеже, какими они, помню, были нарисованы на ватмане архитекторами.

Жилые дома, школы, больницы, кинотеатры. А чуть в стороне — громада ТЭЦ и бесчисленные корпуса химкомбината — одни уже в рабочем дыму и грохоте, другие — еще в арматуре и башенных кранах.

Прямо вниз с такой головокружительной высоты лучше не глядеть, но невозможно и это. Охватывает волнение при виде напряженно-неистового труда рабочих комбината, не стихающего здесь от зари до зари.

Все вокруг как в сказке, особенно при ярком весеннем солнце. И где — на самой памятной для нас, ставропольцев, дороге. Сколько ни существовала станица Невинномысская, она только и знала одни ожесточенные схватки и битвы. Крови пролилось здесь море. Вышибали отсюда и турок, и деникинцев, а в годы Отечественной войны — фашистских оккупантов, устремившихся было через эту станицу к абхазским мандаринам и грозненской нефти. Перекресток огневой, но раз здесь решили построить индустриальный гигант, — значит, можно быть уверенным, что отныне в этих местах на веки веков воцаряется мирная трудовая жизнь.

Я готов был стоять на этой площадке до самого вечера, но Федя Касьянов, с немалым трудом помогший мне добраться сюда, на место работы его монтажной бригады, сказал: «Ну, мы уходим». Было без пяти минут два часа дня, а ровно в два он должен был приступить к работе.

То, что я оставался наедине с ветром и небом, меня уже не пугало. Испугало теперь другое: мой Федя, как и его товарищи, собирался перейти на другой край каркаса башни. А перейти туда можно было лишь по повисшим над бездной железным рамам. Неужто по ним они и уйдут?

Не смотреть вниз Федя приказал мне еще на земле, а вот приказать не смотреть на такое, похоже, забыл. Какой, однако, нужно обладать волей, чтобы совершенно спокойно поставить ногу на этот узкий, не шире ладони, козырек рамы. Совершенно спокойно, будто все в самом обычном порядке вещей.

Вот где я, наконец, понял, что имел в виду Федя Касьянов, когда еще в своем общежитии, сказал:

— Главное было нам подобраться...

Что ж, они и в самом деле подобрались на славу. Николай Пугачев, Юрий Костромских, Виктор Сюров и сам Федя Касьянов. Суть не только в том, что это все молодые и крепкие парни, парни, на которых любо смотреть. Это еще до изумления отчаянные ребята. Уходи от них, коль бесстрашие и смелость не почитаешь выше всех своих достоинств.

Стать монтажником-верхолазом может далеко не каждый, но если станешь им, «вниз» тебя уже ни за что не стащишь. Я это понял еще тогда, когда вел разговор с Федей по пути на стройку. Он мне сказал:

— Свесишь ноги, и вот оно все под тобой. Всегда ты выше всех. И всегда у всех на виду. Чувствуешь себя как на крыльях...

И с Федей надо было согласиться. Труд монтажников-верхолазов действительно очень интересный и красивый труд. Только всегда ли там чувствуешь себя как на крыльях? Летом — может быть, а каково зимой? Мне уже рассказывали: взглянешь на этих ребят снизу и невольно содрогнешься. Мороз в тридцать градусов, а они от гудка до гудка на голых стропилах. Когда спустятся, не сразу кого узнаешь: от инея становятся седыми, как древние старики.

Да и не всегда ладится у них дело. Мешает ветер. Он в этих местах почти не стихает, а ежели начнет крепчать, наберет

семь-восемь баллов, считай смену потерянной. В такой ветер на стройке сейчас же поднимут «чертов» флажок. «Чертов» он потому, что при нем все башенные краны должны замереть. Вот и жди, пока ветер сбавит капор.

Ветер просто бесит невинномысских монтажников — так много приходится терять из-за него драгоценного времени. Чтобы как-то сберечь это время, на что только они не идут. Идут на то, что вроде флажка с такой высоты им разглядеть не удалось; даже на то, что украдкой возьмут и приспустят этот флажок...

Горячее братство труда — это определить можно было сразу, как только я оказался среди невинномысских монтажников-верхолазов. Работа у них нелегкая, но когда она у них спорится, они чувствуют себя как «на седьмом небе». Чем выше, тем больше веселых шуток и прибауток. И, конечно же, не без гордости. «Вот мы в деле какие сноровистые и лихие: по плану подняться до этой отметки намечено лишь через месяц, а сегодня она уже под ногами!»

* * *

Со своей смены в тот день Федя Касьянов вернулся уже в одиннадцатом часу вечера. Разбудил меня и почти силком потащил на балкон.

— Хочу, чтобы вы взглянули на нашу стройку в ночное время. Я не ложусь, пока не налюбуюсь!

Красота открывалась с балкона его общежития и в самом деле неописуемая. В зареве электрических огней и сполохах автогенов утопал весь северо-восточный горизонт. Но полюбоваться мне посчастливилось и другим — самим Федей. Видели бы вы, как сияли в эти минуты его глаза! Золотисто-горделивых искорок в них было не меньше этих дальних огней. Все здесь его, все бесконечно родное и близкое. Ни одного здания, ни одного цеха, ни одной градирни и гранбашни без его мозолей, без тепла его сердца. И, главное, все, решительно все ради счастья и блага советского человека.